

A man and a woman are seen from behind, standing in a hallway. The man is on the left, wearing a suit, and the woman is on the right, wearing a dress. They are looking towards a clock on the wall at the end of the hallway. The hallway is dimly lit, with a bright light source at the end, creating a silhouette effect. The overall color palette is dark and moody.

Паралич жизни

Трофимов Глеб

Глеб Трофимов

Паралич жизни

<https://litres.ru/74048169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если бессонница стала приговором, а единственное лекарство забирает больше, чем даёт? Джон приходит в клинику, чтобы просто уснуть. Но вместо забавления находит девушку, оранжерею и мир, где можно встретить тех, кого потерял. Семеро незнакомцев, семь судеб, одно убежище на грани сна и смерти. Но у всего есть цена, и аппарат «Паралич жизни» не прощает долгов. История о любви, утрате и выборе между реальностью, где тебя не ждут, и сном, из которого можно не вернуться.

Содержание

Глава 1	4
Часть 1. Оранжерея	4
Часть 2. Начало	12
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Паралич жизни

Глава 1

Часть 1. Оранжерея

Где то в будущем...

Они сидели на краю заброшенной оранжереи, где время съело почти всё, кроме стекла и ржавчины. Каркас из железных дуг всё ещё держался, но стёкла были мутными от многолетней пылицы, высохших дождевых подтёков и паутины, которую ткали поколения пауков. Свет заходящего солнца, пробиваясь сквозь это мутное кружево, ложился на них оранжевыми и лиловыми полосами, словно они находились внутри старого церковного витража. Пол под ногами был выложен битой восьмиугольной плиткой, между швов которой пробивалась не просто трава, а дикий, одичавший плющ, заполонивший всё южное крыло. В воздухе стоял запах сухой земли, ржавого металла и сладковато-гнилостный аромат опавших лепестков бетонных роз, что когда-то здесь цвели.

Она сидела, поджав колени к груди, на старой чугунной скамье, с которой давно облупилась белая краска. На ней было длинное платье из тонкого, почти невесомого чёрного хлопка, который на солнце отливал выгоревшей синевой. Рукава до запястий, глухой ворот под самое горло — наряд, который делал её похожей на послушницу забытого культа или на ворону, присевшую отдохнуть. Её волосы, пепельно-русые, заплетённые в небрежную косу, выбивались мелкими прядями у висков, и ветер, гулявший сквозь разбитые фрамуги, едва заметно шевелил их. На ногах — стоптанные кожаные сандалии, ремешки которых, кажется, держались исключительно на честном слове и многолетней привычке к ноге.

Он стоял напротив, облокотившись плечом о покосившуюся колонну, увитую мёртвым виноградом. Его одежда была предельно простой и грубой: штаны из плотной тёмно-серой саржи, заправленные в высокие ботинки на шнуровке, и льняная рубашка навывпуск, растёгнутая на две верхние пуговицы, открывающая ключицы. Рукава были небрежно закатаны по локоть, обнажая жилистые руки с проступившей сеткой вен. В руках он держал сухую веточку шалфея, сорванную по дороге, и медленно крошил её пальцами. Запах от этого становился горьким и терпким, заглушая гниль оранжереи. На его лице, худом, с резко очерченными скулами, лежала тень усталости, а в серых глазах

отражались последние лучи солнца — холодные, как вода в осеннем озере.

Тишина между ними была густой и плотной, как предгрозовой воздух. Где-то наверху, за щербатым куполом, крикнула вечерняя птица.

Она смотрела не на него, а на свои ногти, покрытые облупившимся чёрным лаком. Внутри неё боролись два чувства: щемящая тоска от близости конца этого дня и странное, трепетное тепло в солнечном сплетении от того, что он рядом. Ей казалось, что если сейчас закрыть глаза, то можно услышать, как замедляется время. Она чувствовала себя выжатой, но в то же время наполненной какой-то нездешней эйфорией. Как будто всё плохое, что было в мире, осталось за стенами этой ржавой коробки.

Первой тишину нарушила она. Её голос прозвучал тихо, почти интимно, и в нём было больше музыки, чем слов. Она наконец подняла взгляд от своих рук и посмотрела ему прямо в лицо.

— Давай, — она сделала паузу, пытаясь набрать в лёгкие побольше воздуха, словно ныряла в глубину, — давай будем жить для того, чтобы видеться каждый раз во сне?

Он замер. Пальцы прекратили крошить шалфей, застыли в воздухе, осыпая к его ногам мелкую зелёную труху. Он медленно перевёл взгляд от разбитого стекла на потолке на неё. Морщина пролегла между его бровей — не суровая, а скорее задумчивая. Он чувствовал, как её слова растекаются под кожей, будто сладкий яд. Это было красиво. Слишком красиво, чтобы быть правдой. В груди у него похолодело от того, как отчаянно она это сказала — словно предлагала им обоим сделку с дьяволом.

Он медленно выдохнул, и воздух, проходя сквозь его губы, был чуть дрожащим. Он опустился на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне, и положил свои руки на её колени. Ладони у него были тёплыми, даже горячими после долгого дня, шершавыми от тренья инструментов и земли. Она почувствовала это тепло сквозь тонкую ткань платья, и по её позвоночнику пробежала дрожь.

— Это не плохая идея, — его голос был низким, с лёгкой хрипотцой, как будто он долго молчал перед этим. Он заглянул ей в глаза, стараясь, чтобы его взгляд выражал всю серьёзность момента. Её зрачки были широкими, и в них плескался закат.

— Но ты думаешь, — он слегка сжал пальцы на её колени, словно хотел заземлить её, не дать улететь в иллюзию, — ты правда думаешь, что все смогут долго возвращаться

обратно

Он замолчал, подбирая последние слова. В горле у него стоял ком, потому что он знал правду. Она была тяжёлой, как ржавое железо, которое окружало их.

— ...в ту реальность, где нас никто не ждёт? — закончил он едва слышно.

Последнее слово упало в тишину, как камень в колодец. Он убрал одну руку с её колена и, взяв её ладонь в свою, аккуратно, почти благоговейно, провёл большим пальцем по её костяшкам. Кожа на её руках была сухой и прохладной. Ему казалось, что он держит в руках не живого человека, а фарфоровую статуэтку, которая может разбиться от любого громкого звука.

Она отвела взгляд в сторону, туда, где среди мёртвой травы валялся осколок зеркала. В нём отражались розовые облака. Она чувствовала, как внутри неё всё сжимается от правоты его слов. Да, там, в обычной жизни, за порогом сна, была тишина. Там были комнаты, где никто не включал свет в ожидании их прихода. Там были телефоны, которые никогда не издавали звука, потому что список контактов давно превратился в список мёртвых душ. Там была та самая реальность, где их отсутствия никто не замечал.

— Но ведь, — её голос дрогнул, и она сама удивилась, как жалобно он прозвучал, — здесь и сейчас нас тоже никто не ждёт. Кроме нас самих. Разве во сне будет иначе? Там хотя бы не будет этого... ржавого запаха и пустоты.

Она высвободила свою руку из его ладони только для того, чтобы накрыть его пальцы сверху. Теперь их руки лежали на её коленях, сплетённые в один узел. Солнце опустилось ниже, и теперь их лица освещались снизу, отражённым светом от потрескавшейся плитки, отчего черты лиц казались резче и старше.

— Там, во сне, мы сможем строить миры, где мы нужны, — прошептала она.

— Где на столах стоит еда, а за окнами — морской прибой, а не эта свалка.

Он молчал долго. Пауза затянулась настолько, что плюц, казалось, успел подрасти на пару миллиметров. Он чувствовал спиной холод от кирпичной стены и одновременно жар от её близости. В висках стучало, и этот стук казался ему барабанной дробью, предвещающей приговор.

— Хорошо, — наконец вымолвил он, и это слово упало тяжело, как гильотина.

— Но чтобы не потеряться. Нам нужен якорь. Одна и та же дверь. Одно и то же время. Иначе мы заблудимся в хитросплетениях своих желаний и больше никогда не проснёмся рядом, даже в этой забытой богом оранжерее.

Он поднялся с корточек. Она встала следом. Платье тихо зашуршало. Они стояли друг напротив друга, разделяемые лишь несколькими сантиметрами воздуха. Теперь запах шалфея смешивался с запахом её волос, пахнущих ветром и польнёю. Вокруг них сгустились тени, и мир за стеклом готовился к ночи.

— Значит, решено, — сказала она и впервые за долгое время улыбнулась, но улыбка эта была печальной.

— Сегодня. Как только луна коснётся шпилья той старой водонапорной башни. Я закрою глаза, а ты закрой свои. И просто подумай обо мне. Очень сильно.

— Я всегда думаю о тебе очень сильно, — ответил он, и в его голосе прозвучала та самая суровая нежность, от которой у неё всегда щемило сердце.

— От этого я и устаю. От этого и хочу спать.

Он протянул руку и заправил выбившуюся прядь ей за ухо. Кончики его пальцев были шершавыми, но движение — невероятно мягким. Внутри неё всё пело и плакало одновременно.

но. Они оба были одиноки, но сейчас это одиночество делилось на двоих, и от этого становилось не так страшно.

Оранжерея погружалась в сиреневый сумрак. Где-то далеко, за холмами, заржавевшая башня уже готовилась принять на свой шпиль диск бледной, как разбавленное молоко, луны. Их путь в забвенье, где они будут ждать друг друга, начинался прямо сейчас.

Часть 2. Начало

Настоящее. Утро понедельника. Или вторника. Или среды — Джон не помнил точно. Дни недели давно слиплись в один бесконечный, мутный ком, где единственной константой была усталость. Она стала его тенью: просыпался он с ней, завтракал с ней, шёл на работу с ней и ложился обратно в постель с ней же — только чтобы снова не уснуть. Он сидел за своим столом в офисе, подперев голову рукой. Локоть медленно скользил по пластиковой поверхности, и Джон то и дело дёргался, возвращая себя в вертикальное положение. Монитор перед ним светился ровным, безжалостным светом. Таблицы. Цифры. Отчёт, который он должен был сдать три дня назад. Строки расплывались, двоились, сливались в серую рябь.

Он моргнул — и не сразу смог разлепить веки обратно: они налились тяжестью, как будто кто-то пришел к ресницам крошечные свинцовые грузики. В офисе гудела вентиляция. Пахло пережжённым кофе из общего автомата и чьим-то вчерашним обедом. Где-то в другом конце опенспейса коллега бубнил по телефону — монотонно, как шмель в банке. Этот звук убаюкивал. Джон чувствовал, как сознание медленно, неумолимо скатывается в серую муть — туда, где нет таблиц, нет дедлайнов, нет начальников...

— Эй, Джон! Голос раздался так близко, что Джон вздрог-

нул и едва не опрокинул кружку с остывшим чаем. Он резко выпрямился и заморгал, пытаясь сфокусировать взгляд.

Перед ним стоял Маркус.

Как всегда — в своей дурацкой рубашке в крупную клетку, которая на размер больше, чем нужно, с вечно расстёгнутой верхней пуговицей. Рыжеватые волосы торчали в разные стороны: он то ли не причесался, то ли, наоборот, слишком долго чесал затылок, обдумывая очередную идею. На конопатом носу сидели очки в тонкой оправе, которые он никогда не снимал. От него пахло растворимым капучино и каким-то приторным освежителем дыхания — этот запах был таким же неизменным атрибутом Маркуса, как его громкий, слегка каркающий смех.

— Опять не спал?

— спросил он без формальных приветствий, с фамильярностью человека, который работает с тобой уже не первый год и имеет право задавать такие вопросы.

Джон потёр глаза. Перед тем как ответить, он провёл ладонью по лицу — кожа была сальной, небритой, неприятной на ощупь. Он сам себе казался старым, изношенным механизмом, который забыли смазать.

— Да, — голос прозвучал сипло, как будто он только что проснулся, хотя не спал вообще. — Не знаю, что со мной. Просто не могу. Лежу, закрываю глаза — и ничего. Тишина. Мысли. Часы тикают. Считаю до тысячи, считаю овец, считаю всё, что можно посчитать. Не помогает.

Он говорил это и чувствовал странное облегчение: хоть кому-то можно было признаться. Потому что врачам он не доверял, друзьям — не хотел жаловаться, а коллегам — тем более. Но Маркус был не просто коллегой. Он был почти другом — или кем-то вроде того.

Маркус поцокал языком, покачал головой. Придвинул себе офисный стул от соседнего стола, уселся на него верхом, положив подбородок на спинку. Его глаза блестели — той самой химической бодростью, которая всегда казалась Джону немного неестественной.

— Слушай, — начал он, понизив голос и оглянувшись, — может, обратишься к доктору? Я тут слышал... Он сделал драматическую паузу — Маркус вообще любил драматические паузы.

— Вышел какой-то новый аппарат. Его называли... — он нахмурил лоб, щёлкнул пальцами, вспоминая, — «Паралич жизни», кажется. Жуткое имечко, да? — Паралич жизни? — Джон поднял бровь. — Звучит как что-то, после чего можно не проснуться.

— Ха-ха! Вот и я так же подумал! — Маркус хлопнул ладонью по столу, и Джон снова вздрогнул.

— Но нет, серьёзно. Штука убойная. Там что-то про искусственный сон, про погружение в какую-то специальную фазу. Короче, ты ложишься в капсулу, тебя подключают, и ты вырубаешься. По-настоящему. Полный цикл сна за один сеанс. И просыпаешься как новенький.

Джон посмотрел на Маркуса скептически. Тот выглядел бодрым — да, но Маркус всегда выглядел бодрым. Это было его обычное состояние, как у некоторых людей — вечно простуженный нос или всегда грязные ботинки. Маркус был вечно бодрым. Может, это его собственный механизм защиты. Может, он тоже не спал когда-то и нашёл что-то, что ему помогло.

— Штука, правда, стоит недёшево, — добавил Маркус, закатывая глаза.

— Но я, так и быть, замолвлю за тебя словечко перед начальством. Скажу, что ты продуктивнее работаешь после неё. Что я сам пользуюсь — а я, как ты знаешь, — он подмигнул, — считай, почти твой начальник. Ха-ха!

Джон не удержался от слабой улыбки. Маркус был кем угодно, но не начальником. Они сидели на одном уровне, просто Маркус работал в отделе на три кабинета дальше. Но его самомнение было такой же неотъемлемой частью его личности, как клетчатые рубашки.

— Паралич жизни, — повторил Джон медленно, пробуя название на вкус. Оно звучало жутко, да. Но он уже дошёл до той стадии усталости, когда страх отступает перед отчаянием.

— А ты сам... ты серьёзно им пользуешься?

— Уже полгода, — Маркус развёл руками, словно демонстрируя себя как лучшее доказательство эффективности.

— Видишь? Свеж как огурчик. Ни одного провала. Сплю

как младенец. А до этого, знаешь, тоже мучился — бессонница, кошмары, всё такое.

Аппарат — вещь. Серьёзно говорю.

Он наклонился ближе и понизил голос до заговорщицкого шёпота:

— Там, внутри, такое чувство, будто ты наконец-то попадаешь домой. В свой настоящий дом. Понимаешь, о чём я?

Джон не понимал. Но что-то в словах Маркуса — в том, как он это сказал, с какой интонацией, с каким странным, почти мечтательным выражением в глазах — задело его. Словно Маркус знал что-то, чего не договаривал.

— Ладно, — сказал Джон.

— Дай адрес. Я схожу.

Маркус просиял, хлопнул Джона по плечу и полез в карман за ручкой.

— Не пожалеешь, дружище. Вот увидишь. Может, наконец-то выплывешь.

Джон взял бумажку с адресом и сунул в карман рубашки. Он ещё не знал, что этот клочок бумаги изменит всё. Что за дверью клиники его ждёт не просто сон. Что он войдёт туда одним человеком, а выйдет — или не выйдет — совсем другим.

Он просто хотел спать.

Просто закрыть глаза и наконец-то ни о чём не думать.

Кто же знал, что на другой стороне сна его ждёт она.

Часть 3. Первый сеанс

Планшет в руках Джона едва заметно вибрировал — то ли от работы встроенного мотора, то ли от его собственных пальцев, в которых ещё сидела мелкая дрожь хронического недосыпа. Он вписал имя, дату рождения, контактный номер, поставил галочки напротив длинного списка вопросов, которые пробежал глазами, не особо вчитываясь. Была ли у него аллергия?

Нет.

Принимал ли он препараты?

Нет.

Были ли в роду психические заболевания? Он на секунду задумался, но поставил прочерк.

Девушка за стойкой забрала планшет, улыбнувшись всё той же застывшей улыбкой, и указала тонкой рукой в сторону коридора с голубоватым светом.

— Вас проводят.

Доктор Вайсс ждёт вас в четвёртом кабинете. Пожалуйста, следуйте за санитаром.

Джон обернулся. Позади него, словно возникнув из ниоткуда, стоял мужчина в мягком светло-голубом костюме — ни халат, ни пижама, а нечто среднее, сшитое из материала, напоминавшего больничный текстиль, но более плотного, дышащего.

Санитар был высок, лысоват, с тихим, ничего не выражающим лицом. Его движения были замедленными, плавными,

как у человека, который либо принял сильное успокоительное, либо сам давно стал частью этой системы. Он пах чем-то нейтральным — ни одеколоном, ни потом, ничем.

— Сюда, пожалуйста, — произнёс санитар голосом, лишённым эмоциональной окраски, и двинулся по коридору. Джон пошёл следом. Его шаги гулко отдавались от мраморного пола, тогда как шаги санитара были почти беззвучны — он ступал в мягких тканевых тапочках, специально предназначенных для таких мест.

Коридор был длинным, и с каждым шагом освещение менялось: тёплый белый свет регистратуры уступал место холодному голубоватому свечению, лившемуся из узких ниш в потолке. Стены здесь были не белыми, а приглушённого серо-голубого оттенка, напоминавшего цвет предрассветного неба.

В них через равные промежутки были встроены двери — без табличек, без имён, только номера, выгравированные тонким серебристым шрифтом: 1, 2, 3... Джон чувствовал, как с каждым шагом его тело становится всё тяжелее. Это не было сонливостью — скорее странное ощущение, будто сам воздух здесь становился плотнее, гуще, словно невидимый газ проникал в лёгкие и растекался по крови. Запах озона усилился, к нему добавилась нотка чего-то сладковатого, почти приторного, как аромат увядающих лилий — красивый, но тревожный.

— Четвёртый кабинет, — санитар остановился перед две-

рю и лёгким движением нажал на сенсорную панель, вмонтированную в косяк. Дверь отъехала в сторону бесшумно, словно была сделана не из стекла, а из замёрзшего воздуха. За ней открылась просторная комната, залитая мягким голубовато - белым светом. В центре стояла конструкция, которую Джон поначалу принял за высокотехнологичный массажный стол, но, присмотревшись, понял — это и есть аппарат.

«Паралич жизни».

Он выглядел как вытянутая капсула, сделанная из матового металла и прозрачного пластика, с плавными обводами и встроенными подголовником.

От него отходили десятки тонких проводков, соединённых с большим монитором, висевшим на стене.

Рядом стоял мужчина в безупречно белом халате поверх тёмно-синего костюма — доктор Вайсс, как позже вспомнил Джон.

Доктор был немолод: седые волосы зачёсаны назад, узкое лицо с резкими чертами, длинные пальцы с аккуратными ногтями. Его глаза, бледно-голубые, почти прозрачные, смотрели на Джона изучающе, но не враждебно, а с холодным, научным интересом.

— Мистер... — он мельком глянул в планшет, который уже каким-то образом оказался у него в руках, — Джон.

Прошу, располагайтесь. Снимите обувь и верхнюю одежду. Вам понадобится только ваше тело и ваше сознание.

Джон медленно стянул пальто, оставшись в льняной рубашке и серых брюках, снял ботинки, поставил их у стены.

Пол под босыми ногами был тёплым. Он подошёл к капсуле.

— Что именно делает этот аппарат? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри поднималась волна необъяснимого беспокойства.

— Маркус сказал, вы называете его «Паралич жизни».

Это звучит... пугающе. Доктор Вайсс улыбнулся краешками губ — сухо, профессионально.

— Название — всего лишь маркетинговый ход, придуманный не нами. С научной точки зрения, мы называем это «контролируемой соматической атонией». Ваше тело впадёт в состояние, схожее с параличом во время естественной фазы быстрого сна.

Мышцы полностью расслабятся, вы не сможете пошевелиться, но это абсолютно безопасно. А вот ваше сознание,

— он сделал паузу,

— ваше сознание отправится в место, которое мы называем Пороговым Пространством.

Вы заснёте здесь, и вы заснёте там.

Это единственный способ добиться полного цикла сна. Уснуть нужно в обеих реальностях.

Джон слушал, и по его спине пробежал холодок. Слова доктора отдавались в голове эхом: «уснуть нужно в обеих реальностях».

Это звучало как строка из древнего заклинания, а не медицинская инструкция.

— И что я там увижу?

— тихо спросил он.

— Свою комнату. Привычную, безопасную, знакомую. Таковую, какой её помнит ваше подсознание. Там будет кровать. Дверь. То, что вы увидите за дверью,

— доктор слегка пожал плечами,

— зависит только от вас. Мы не контролируем содержимое Порогового Пространства. Мы только даём вам в него войти.

Джон сглотнул. В горле пересохло. Он представил свою унылую комнату с горчичными обоями и окном на кирпичную стену — и мысль о том, что именно она станет его отправной точкой в какой-то иной реальности, вызвала смесь разочарования и горькой иронии.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Что мне нужно делать?

— Лечь в капсулу. Закрывать глаза. Расслабиться.

Остальное сделает аппарат.

Холодный пластик капсулы коснулся его спины сквозь тонкую ткань рубашки. Джон вытянулся, положил голову на подголовник, который идеально повторил изгиб его шеи. Санитар закрепил на его висках два небольших электрода — они были прохладными и слегка покалывали кожу. На запястье легла мягкая манжета, измеряющая пульс.

Крышка капсулы медленно опустилась, но не до конца — осталась щель в несколько сантиметров, через которую проникал воздух и всё тот же голубоватый свет.

— На счёт «три» начнётся сеанс,

— донёсся приглушённый голос доктора.

— Один. Два... Джон не услышал «три». Он услышал низкий, вибрирующий гул — он исходил откуда-то из глубины капсулы, проходил сквозь его тело, словно звуковая волна, заставляющая вибрировать каждую клетку. Затем гул сменился тишиной. Такой глубокой, такой абсолютной, какой он не слышал никогда в жизни.

Тишина, в которой исчезло всё — даже стук его собственного сердца.

Голубой свет погас.

Наступила темнота.

Часть 4. Сон

А затем — свет.

Мягкий. Серый. Рассеянный.

Джон открыл глаза — или ему показалось, что открыл.

Он лежал на кровати. На своей кровати. Старая металлическая рама, продавленный матрас, несвежая простыня, которую он который день собирался сменить и не менял.

Та самая наволочка с выцветшим узором. Тот самый комод с облупившимся лаком. Те самые горчичные обои.

Он резко сел. Ощущение было абсолютно реальным —

пружины матраса скрипнули под ним, его босые ноги коснулись холодного деревянного пола.

Он чувствовал всё: температуру, фактуру, вес собственного тела.

Он огляделся. Комната была точь-в-точь его собственной. До мельчайших деталей.

Кружка с засохшим чайным осадком на подоконнике. Книга, раскрытая на сорок третьей странице, лежащая обложкой вверх. Его собственная одежда, брошенная на спинку стула. Даже запах был тем же — пыль, одиночество, старый дом.

Но что-то было не так.

Джон не сразу понял, что именно. А потом осознал: окно. В его настоящей комнате окно выходило на кирпичную стену. Здесь же за стеклом виднелся свет. Не солнечный, не лунный — ровный, сумеречный, словно там всегда было состояние между днём и ночью. И ещё дверь.

Она была на том же месте, что и в реальной комнате, но выглядела иначе.

Тяжёлая, деревянная, с металлической ручкой старой работы.

Из-под неё пробивалась тонкая полоска света. Джон встал. Его ноги держали его, его дыхание было ровным. Он провёл ладонью по своим волосам, ощутил их шероховатость, почувствовал, как бьётся сердце — размеренно, спокойно, совсем не так, как там, в реальном мире, где оно вечно то

колотилось от недосыпа, то замирало от усталости.

Здесь всё было иначе. Здесь ему было... хорошо.

Он подошёл к двери. Половицы под ним скрипели так же, как дома — звук был до жути знакомым и одновременно чужим, потому что он знал: это не его дом. Это его комната внутри какой-то другой реальности.

Рука легла на холодную металлическую ручку. Он повернул её. Дверь открылась бесшумно. За дверью был коридор.

Не больничный.

Не офисный.

Жилой.

Широкий, с высокими потолками, с тусклыми бра на стенах, с ковровой дорожкой глубокого бордового цвета, заглушавшей шаги. С двух сторон вдоль коридора тянулись другие двери — деревянные, с латунными табличками. Они были закрыты. Но из-под них тоже пробивался свет.

Джон медленно пошёл вперёд. Его шаги были тихими, ковёр мягко пружинил под босыми ступнями. Воздух здесь был другим — свежим, с лёгким ароматом, похожим на запах сушёных трав и старой бумаги. Совсем не тот синтетический озон клиники, а что-то живое, настоящее.

Он миновал три двери и остановился перед четвёртой.

Она была приоткрыта. Сквозь щель пробивался тот же мягкий, сумеречный свет, что и в его комнате. И оттуда доносился звук. Едва различимый. Шелест. Как будто кто-то перелистывал страницу.

Джон замер. Сердце, до того бившееся ровно, вдруг сбилось с ритма. Он не знал, кто там. Он не знал, что вообще происходит. Но что-то тянуло его к этой двери — не любопытство, не страх, а нечто более глубокое, необъяснимое, почти животное. словно тёплая нить протянулась из его груди, уходя туда, за приоткрытую створку.

Он толкнул дверь.

И вошёл.

Часть 5. Знакомство

Комната за дверью была похожа на его собственную и одновременно не похожа. Тот же размер, то же расположение окна, но обстановка — иная. Светлые стены вместо горчичных обоев. Узкая железная кровать, застеленная пледом грубой вязки. Старый книжный стеллаж до потолка, заполненный книгами в мягких обложках и несколькими засушенными цветами в стеклянной банке.

На подоконнике — пустая чайная чашка с трещинкой на боку.

А у окна, спиной к нему, стояла она.

Девушка в длинном чёрном платье из тонкого, почти невесомого хлопка.

Её пепельно-русые волосы были заплетены в небрежную косу, выбившиеся пряди касались плеч. Она стояла, чуть склонив голову, и смотрела в окно, за которым вместо привычного пейзажа клубился серебристо-серый туман.

Она услышала его шаги — или, может быть, почувствова-

ла — и медленно обернулась. Джон замер на пороге.

Её лицо было бледным, уставшим, но в глазах — тёмно-карих, глубоких, как вечернее небо — горел странный огонёк. Не испуг. Не удивление. Скорее, узнавание. Словно она знала, что кто-то придёт. Словно она ждала его.

— Ты тоже не можешь уснуть? — спросила она тихо, и её голос прозвучал в тишине комнаты, как первая нота долгой мелодии.

Джон стоял в дверном проёме, чувствуя, как мир вокруг него перестраивается, меняет свои очертания, и впервые за много дней — или недель, или месяцев — ощутил нечто, отдалённо похожее на покой.

— Не могу, — ответил он хриловато.

— Уже очень давно.

Она сидела на краю узкой железной кровати, и та тихо, жалобно скрипнула под её весом — звук получился долгим, протяжным, словно этот предмет мебели тоже был здесь чужаком, случайно попавшим в этот тихий промежуточный мир.

Девушка смотрела на Джона снизу вверх, чуть склонив голову к плечу. В её тёмно-карих глазах, окружённых лёгкой тенью усталости, плясали крошечные искорки — не веселья, но какого-то тихого, сдержанного оживления. Словно она обрадовалась, что наконец-то может говорить вслух, а не только с собственным отражением в мутном оконном стекле.

Джон всё ещё стоял в дверном проёме, не решаясь пере-

ступить невидимую границу. Он опирался плечом о дверной косяк, скрестив руки на груди. Пальцы его левой руки машинально потирали запястье правой — туда, где в реальном мире, снаружи, была закреплена мягкая манжета аппарата. Здесь, в этом мире, кожа была чистой, но фантомное ощущение давления не проходило до конца.

Он переминался с ноги на ногу, чувствуя под босыми ступнями доски пола — прохладные, едва заметно поскрипывающие, точно такие же, как в его настоящей комнате и одновременно совершенно иные, потому что дерево здесь пахло не пылью, а чем-то едва уловимым, вроде сухой лаванды и старой бумаги.

— Понятно, — произнесла она, нарушая затянувшуюся паузу. Её голос звучал мягко, с лёгкой хрипотцой, как будто до этого она молчала несколько часов, а может, и дней.

— Ты в первый раз здесь. Это был не вопрос — утверждение. Она сказала это так просто, так буднично, словно речь шла о погоде или о том, который сейчас час.

Джон чуть выпрямился, отлепился от косяка и запустил пятерню в свои волосы, взлохмачивая их ещё больше. На его лице отразилась смесь смущения и растерянности — та особая гримаса, которая бывает у взрослого человека, внезапно оказавшегося в ситуации, к которой он совершенно не готов.

— Я... а, да, — он запнулся, подбирая слова — они здесь казались какими-то вязкими, неповоротливыми, будто воздух этого места был плотнее обычного.

— Только недавно оказался здесь. Так непривычно... я как будто дома.

Но, — он сделал короткую паузу, обвёл взглядом её комнату: книги, чашку с трещиной, плед грубой вязки, застывший свет за окном, — и одновременно так далеко от него, что даже не могу понять... не могу постичь. Умом не получается.

Последние слова он произнёс почти шёпотом, и в этом шёпоте прозвучала та самая беспомощность, которую он никогда не позволял себе в реальной жизни — там, где нужно было держать спину прямой, ходить на работу, заполнять отчёты и делать вид, что ты функционируешь нормально.

Девушка усмехнулась. Усмешка эта была короткой, уголки губ дрогнули и вернулись обратно, но в ней читалось не пренебрежение, а понимание — тёплое, почти сестринское.

— Да, это нормально, — сказала она, и её пальцы принялись теревить край грубого серого пледа, накручивая нитку на указательный палец и отпуская.

— В первый день у меня было так же. До жути знакомая комната.

Тишина, — она обвела взглядом стены, словно показывая эту тишину как экспонат в музее, — что даже немного страшно.

Сидишь, слушаешь собственное сердце и думаешь: а вдруг оно остановится, и никто не услышит? Никто не узнает. Потому что здесь действительно никого нет. Джон слушал

её, и каждое слово ложилось туда, куда нужно — в ту пустоту, что образовалась внутри за долгие недели бессонницы.

Он наконец переступил порог. Сделал шаг вперёд. Половица под ним отозвалась глухим скрипом, и он остановился.

— А ты, — он прочистил горло, которое вдруг стало сухим, — как часто ты здесь бываешь?

Ему нужно было знать. Ему нужно было зацепиться хоть за что-то. В этом мире, состоящем из копий реальных комнат и тумана за окнами, она казалась единственным ориентиром. Единственным живым существом. Она подняла на него глаза и мягко, почти застенчиво улыбнулась. Но улыбка эта была грустной.

— Достаточно часто, — ответила она тихо. — Это... сегодня мой двенадцатый день. Двенадцатый сеанс. Двенадцатый раз, когда я проваливаюсь сюда. Она сделала паузу и отвернулась к окну, за которым клубился всё тот же неизменный, серебристо-серый туман.

— Здесь я как будто нахожу свой дом. Понимаешь? Здесь мне спокойнее, чем в реальном мире. Тишина. Спокойствие. Никому ничего не нужно. Никто не требует, не звонит, не ждёт. Никто даже не знает, где я. Я просто... исчезаю. И мне от этого легче.

Джон молчал. Молчал долго, глядя на её профиль, на то, как она чуть сутулится, сидя на скрипучей кровати, как её пальцы всё теребят край пледа, и думал о том, что она сказала. О том, что она здесь уже в двенадцатый раз.

И о том, что это звучит одновременно и как спасение, и как приговор.

— Ого, — наконец выдохнул он, и в этом коротком слове было всё: удивление, настороженность и проблеск почти детского любопытства.

— Двенадцатый день. Значит, ты знаешь об этом месте что-нибудь... интересное?

Она повернулась к нему, и её бровь едва заметно приподнялась.

— Что, например? — спросила она с лёгким вызовом, но без агрессии.

Джон сделал ещё один шаг вперёд и теперь стоял посреди комнаты, чуть ближе к ней.

Он поднял руку и начал загибать пальцы, перечисляя:

— Ну... есть ли здесь кто-нибудь ещё, кроме нас? Что это вообще за место? Насколько оно большое? Есть ли здесь выход на улицу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.